

Джеймс К. Гэлбрейт¹

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Для меня большая честь иметь возможность поделиться мыслями и идеями с коллегами в рамках XV Международных Лихачевских научных чтений.

Мой отец, родившийся в 1908 году, был современным академиком Дмитрия Лихачева. Он также был известен в литературных кругах, так как некоторое время возглавлял Американскую академию искусств и литературы и был первым экономистом на данном посту. Я горжусь тем, что продолжаю эту традицию, являясь членом Класа нравственных наук историко-филологического факультета Национальной академии деи Линчеи.

С другой стороны, так как я экономист, мои увлечения достаточно прозаичны, моя деятельность связана не с великими идеями, а с мелкими деталями. Я не являюсь последователем Рикардо в вопросе построения абстрактных моделей и математических формул, основанных на нереалистичных предположениях. Полагаю, что здравые стратегии основаны на точных знаниях, а знания, в свою очередь, частично, но не полностью базируются на тщательных и достоверных измерениях (вычислениях). Идеальный в моем понимании экономист был описан Кейнсом в его очерке о Маршалле: «одновременно целеустремленный и обращенный к небу, как истинный художник, но при этом твердо стоящий на ногах и практичный, как политический деятель».

В связи с вышесказанным мои исследования на протяжении двадцати лет были большей частью посвящены простой на первый взгляд проблеме: измерению экономического неравенства на национальном уровне. Адекватное сравнение стран или изменений во времени весьма затруднительно — в основном потому, что при получении данных приходится в большой степени полагаться на опросы. Исследования очень дорогостоящи и проводятся нерегулярно; особенно проблематичны они в бедных странах. К тому же цель и структура исследования постоянно меняются. В результате мы получаем путаницу, за исключением небольшого количества измерений, проводимых в богатых странах. Эконометристы пытались сгладить колебания при помощи сложных статистических инструментов, но получилось не вполне удачно.

Новой модной альтернативой стало использование данных о подоходном налоге, особенно для измерения доли доходов в высокодоходном сегменте. Но данные о подоходном налоге можно узнать только в тех странах, где он существует. В последнем обновлении *Top Incomes* их насчитывалось 29, при этом большинство

были англосаксонскими или странами континентальной Европы. Более того, налогооблагаемый доход определяется налоговым законодательством и различается как между странами, так и с течением времени. В США Закон о налоговой реформе 1986 года (*Tax Reform Act of 1986*) расширил определение налогооблагаемого дохода, но одновременно снизил максимальные ставки налога для высокодоходных слоев общества. Эта прогрессивная реформа в данный момент стимулирует значительное увеличение доли доходов в верхнем сегменте. Помимо этого закона, больше никаких изменений, которые могли бы спровоцировать такое перераспределение, в 1986 или 1987 годах не происходило.

Философ Чарльз Сандерс Пирс писал о Кеплере: «Он попытался провести кривую через точки на Марсе и установить время обращения этой планеты путем описания различных частей этой кривой; но, наверное, его величайшим вкладом в науку было убеждение людей в том, что, если они действительно хотят усовершенствовать астрономию, а именно это и требуется сделать, то они не должны ограничиваться исследованием того, какая из систем эпициклов лучше, но взяться за исследование фигур и выяснить, чем же в действительности является эта кривая».

Это было моим кредо на протяжении многих лет, и вопрос заключался в том, как применить это к данной сфере?

Мой ответ вытекает из рациональности и опирается на фрактальную геометрию и элементы теории информации.

Рациональность подсказывает, что нерегулярные, случайные исследования выборочных домохозяйств не являются наилучшим методом измерений. Мы должны опираться на данные, собранные последовательно, в течение длительных периодов, с широким охватом, при помощи надежных источников. Фрактальная геометрия предполагает, что можно обойтись без случайной выборки. Одного из секторов экономики, например производственного, может быть достаточно, чтобы указать общее направление распределения, также можно выглянуть в окно и узнать погоду, не проводя анализ по случайной выборке пикселей с неба.

Теория информации учила меня, что обобщенная энтропическая мера информации может быть преобразована в неравенстве статистики — статистики Тейла — с одной привлекательной особенностью, заключающейся в том, что меры, принимаемые на уровне группы (с использованием только среднего дохода и размера группы), будут совместимы по своему поведению с мерами, которые могли бы быть, но не были приняты на индивидуальном уровне.

Что касается основополагающей математики в статистике Тейла, то я заметил, что этому можно научить любого студента-выпускника за 20 минут, кроме студентов из России. Для русскоязычных студентов достаточно и 10 минут. Однажды к моей исследовательской группе присоединилась студентка из Минска; она по-

¹ Профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Балансирование: технология, финансы и американское будущее», «Рожденный неравным: кризис в американской оплате», «Меньше шока, больше терапии», «Миллиарды на звездную пыль» и др. Председатель американской организации «Объединенные экономисты за сокращение вооружений» (ECSAAR).

смотрела на формулу, повернулась ко мне и спросила: «Это все?».

Таким образом, разумеется, можно измерить сравнительные уровни и эволюцию экономического неравенства на базе собранных в течение длительных периодов административных наборов данных по налогам, торговле, промышленному планированию и др. Они были опубликованы в виде таблиц, агрегированных по какому-либо принципу классификации, как правило, промышленному, секторальному или географическому, а иногда и по набору классификаций. Оставалось проверить это утверждение, и мы обнаружили, что это легко сделать, особенно с использованием данных производственных секторов, которые собираются в большинстве стран с разумной периодичностью. Учитывая данный источник, глобальные данные о неравенстве, полученные в результате тысяч наблюдений, можно быстро получить в виде электронной таблицы.

Измерение неравенства в заработной плате между промышленными секторами является подходящим инструментом для многих целей — например, если кто-то заинтересован во влиянии на относительные зарплаты в области технологий или торговли; на макроэкономические показатели, такие как изменение уровня безработицы или обменных курсов; на глобальные экономические реалии, такие как международные процентные ставки и цена на нефть. Аналогично по региональным или секторальным данным можно разработать содержательный портрет изменений внутри страны, как мы сделали для России, Китая, Индии, Европейского Союза, нескольких крупных стран Латинской Америки и США. В случае США мы показали, как можно, связывая воедино различные источники, получить данные о неравенстве начиная с 1920 года.

Тем не менее компоненты статистики Тейла далеко не для всех интуитивно понятны. К тому же их трудно сравнивать напрямую с коэффициентами неравенства доходов домохозяйств Джини, с которыми привыкли работать многие исследователи в области экономики. Поэтому мы стремились найти ответ на вопрос, есть ли соответствие между Т-статистикой, полученной в производственном секторе в стандартизированной международной системе сбора данных, а именно промышленной статистикой ООН по промышленному развитию, и набором коэффициентов Джини, основанных на исследованиях.

Мы выяснили, что при контроле доходов/расходов и ряда других характеристик в исследованиях мера Тейла является более волатильной, но в противном случае соответствие очень близко в более чем 400 случаях наблюдений.

Это открытие позволило нам создать набор данных для оценки уровня неравенства по валовому доходу домохозяйств, называемых ЕНП в формате коэффициента Джини, на базе более чем 3800 наблюдений в 149 странах в период с 1963 по 2008 год. Это крупнейший набор кросснациональных данных о неравенстве стран по уровню доходов. Он доступен на веб-сайте Техасского университета¹ наряду с рабочими документами и другими материалами, объясняющими расче-

ты и интерпретации результатов. Обновление за 2010 и 2011 годы находится в стадии реализации.

Недавнее исследование заключалось в том, чтобы проанализировать качество оценок ЕНП относительно других измерений. Они бывают двух основных категорий:

— отдельные оценки на основе исследований, которые проводятся и публикуются государственными учреждениями, частными исследовательскими компаниями и учеными для конкретных стран и периодов;

— значительные транснациональные данные, которые появились в последнее время и были опубликованы Всемирным банком, Европейским Союзом, Экономической комиссией по странам Латинской Америки и др.

Мы обнаружили, что коэффициенты ЕНП хорошо совместимы с коэффициентами измерения, в основном для богатых стран, рассчитываемыми LIS, ОЭСР и ЕС. Кроме того, ЕНП основаны на гораздо большем количестве наблюдений, чем любая из альтернатив. Есть случаи, однако, особенно среди крупных развивающихся стран, включая Бразилию и Южную Африку, где индексы ЕНП ниже, чем принято в опросах. Причины этого остаются неясными, есть предположение, что в этих странах богатство и бедность имеют нетипичный масштаб. В Соединенных Штатах ЕНП не охватывает рост налогооблагаемых доходов, показанных в верхней части шкалы доходов, после 1990 года; это неудивительно, так как этот рост, как известно, происходит в сфере финансовых рынков и рынков капитала и в меньшей степени — в увеличении неравенства заработной платы. По сравнению с ЕНП мировые показатели развития Всемирного банка служат примером несопоставимой и ненадежной агломерации мер, хотя это набор данных на основе независимых расчетов для каждого наблюдения, который был представлен как имеющий глобальный охват и измерения, сопоставимые по странам и времени.

Что же можно узнать из анализа данных о неравенстве за последние полвека? Необходимо отдать должное трудам американского экономиста белорусского происхождения Саймона Кузнеца, родившегося в Пинске в 1901 году. В 1955 году Кузнец утверждал, что есть простая модель неравенства в оплате труда, основанная преимущественно на средней разнице между промышленностью и сельским хозяйством и относительных размеров этих двух основных секторов экономики. В целом, по его мнению, по мере развития нарождающийся средний класс сокращает общее неравенство в богатых странах.

Эта модель может быть адаптирована для более диверсифицированной и дифференцированной глобальной экономики, которая существует сегодня, но основной принцип остается тот же. Межотраслевые переходы и изменения средних доходов по группам при общем росте доходов остаются основными детерминантами изменяющегося неравенства. Анализируя распределение доходов среди различных групп населения, Кузнец выдвинул гипотезу, что в странах, стоящих на нижних ступенях экономического развития, неравенство доходов сначала возрастает, но по мере роста экономики имеет тенденцию к снижению. Это предположение позже легло в основу так называемой кри-

¹ <http://utip.gov.utexas.edu>

вой Кузнеца. Но если отправной точкой является экономика страны с рабовладельческим строем или крепостным правом либо двухукладная экономика с натуральным хозяйством и добычей полезных ископаемых, то кривая будет преимущественно нисходящей во всем диапазоне. Полученные данные это подтверждают.

В настоящее время в самых богатых странах, в частности Северной Европы, уровни неравенства самые низкие. Страны, где доходы различаются значительно, относятся к развивающимся, особенно это характерно для тропических регионов — Латинской Америки, Африки, Южной и Юго-Восточной Азии. Два существенных исключения — коммунистические государства, которые в свое время имели низкие уровни неравенства, и некоторые из самых богатых стран в эпоху глобализации, такие как Соединенные Штаты и Великобритания, где сильное неравенство сопровождается высокой долей доходов, получаемых на финансовых рынках. Редкий пример классического случая кривой Кузнеца в современном мире — Китай: рост неравенства наряду с ростом доходов на ранних стадиях индустриализации. Но даже в Китае пик кривой Кузнеца, вероятно, недавно был достигнут.

Второй вывод касается тенденций. Они носят континентальный и глобальный характер, а не национальный, и сильно зависят от финансовых режимов. После 1971 года, когда распалась Бреттон-Вудская система, наблюдался производственный и кредитный бум, и во многих развивающихся странах неравенство сократилось, в то время как в некоторых развитых странах, где торговля пострадала от отмены соглашения, неравенство увеличилось. После 1980 года с повышением процентных ставок и учащением долговых кризисов началось всемирное движение в сторону массового роста неравенства — в развивающихся странах, в странах социалистического лагеря и, наконец, в Азии. Можно сказать, что давление растущего неравенства было обратно пропорционально силе институциональных структур, которые ему сопротивлялись.

Определение общего направления развития и изменений в мире позволяет обойтись без удобных мифов о технологиях, образовании и квалификации. Я впервые отверг гипотезу «технологического прогресса, основанного на умениях и знаниях», как драйвера неравенства в книге, изданной в 1998 году. Многие продолжают следовать данной теории, но серьезные исследователи потеряли интерес к гипотезе неравенства навыков много лет назад.

Рост глобального неравенства достиг пика в 2000 году, когда за бумом информационных технологий в Соединенных Штатах последовал их крах, а затем изменение мирового финансового климата после событий 11 сентября 2001 года. Процентные ставки по краткосрочным активам резко упали. Затем начался общий подъем товарных рынков и промышленного развития во всем мире, и неравенство, хоть и по-прежнему высокое по историческим стандартам, снова начало снижаться. Мы документально зафиксировали это снижение в данных о заработной плате в некоторых странах Латинской Америки, Китае, Европе, России

и других постсоветских государствах. Вступили ли мы в новую эру «снижения неравенства» — покажет время.

В недавно вышедшей книге профессор Томас Пикетти из Парижской школы экономики утверждает, что увеличение неравенства неизбежно при капитализме в связи с тем, что скорость роста нормы прибыли финансового капитала превышает темпы роста доходов. Однако вышеописанные доказательства предполагают другое общее правило. Растущее неравенство сопровождается определенными моментами истории финансового капитализма, когда сильное давление на континентальном или глобальном уровне превосходит институциональную защиту, которую стремится возвести общество с целью стабильной защиты от разрушительной степени крайнего неравенства.

Таким периодом был неолиберализм; он начался в конце 1970-х годов и продолжался до конца столетия. Неолиберальная эпоха была периодом быстро растущего неравенства в большинстве стран, смягченного на мировом уровне только динамичным ростом средних реальных доходов в одной ранее бедной, но никогда не неолиберальной стране — Китае. Конец эпохи начался в 1997 году с азиатского кризиса, в 1998-м последовала девальвация в России, а в 2002-м — дефолт и последующее быстрое восстановление в Аргентине. С этого времени во всем мире развиваются альтернативные модели. Даже в самом сердце неолиберализма, США, пошла на спад идеологическая борьба с мерами, увеличивающими неравенство. Также снижается рост экономического неравенства.

Таким образом, в отличие от профессора Пикетти, я утверждаю, что экономическое неравенство — это случайное состояние, подлежащее эффективному регулированию и контролю.

В целом роль, которую играет эффективное регулирование экономической жизни, понималась неверно. Неолиберальный подход подразумевает, что, поскольку меры регулирования предполагают как издержки, так и преимущества, то в зависимости от того, что перевешивает, эти меры можно вводить или нет. Эта точка зрения свидетельствует о глубоком непонимании. Каждый техник знает, что неотрегулированная машина перегреется и выйдет из строя, как и любому биологу известно, что живой организм без надлежащей регуляции скоро погибнет.

В экономике ограничения, налагаемые регулированием, соблюдать обязательно. Без контроля и регулирования воздушного движения самолеты не смогут летать; медицинские препараты необходимо тестировать до начала продаж; мясо и молоко должны пройти санитарный контроль до поступления в магазины и т. д. Действительно, принципиальная разница между «развитыми» и «менее развитыми» экономиками состоит не в «человеческом капитале» или доступе к той или иной технологии. Различие заключается в функционировании разумных и эффективных законов и правил, готовности населения следовать этим правилам и уважать их. Контроль за экономическим неравенством и, следовательно, хищническим поведением, особенно олигархов, является необходимым ус-

ловием для успешного и устойчивого развития общества и экономики.

Таким образом, основная задача, стоящая перед национальными экономиками, — проектировать, строить и поддерживать эффективную, автономную, справедливую, компетентную регулируемую систему в условиях нестабильной внутренней и внешней среды. Эта задача включает финансовое регулирование с очевидными последствиями для неравенства. Объектами регулирования также должны быть минимальная заработная плата, трудовые права и эффективное налогообложение доходов, прибыли и земли. Также необходим контроль и борьба с изменением климата.

В крупных странах — США, России, Китае, Бразилии — эффективное регулирование может осуществляться на национальном уровне. В регионах, состоящих из более мелких образований, были опробованы международные эксперименты. Они заслуживают отдельного упоминания.

Трагедия современной Европы заключается в том, что создание ее транснациональной экономической системы происходило под влиянием госпожи Тэтчер. Поэтому данная система основывается на заблуждении о рыночном саморегулировании, распространенном в те годы. Результатом стала продолжающаяся катастрофа в странах Южной Европы, против которой протестуют их народы, в первую очередь в Греции. Новое греческое правительство наделено здравым смыслом и хорошо знакомо с исторической сто-

роной вопроса. Но там (как в случае с Европой), где неолиберальная этика равняется на национальные, а не на корпоративные интересы, и где неравенство особенно заметно за пределами национальных границ, а не только в их пределах, властные отношения особенно сильны и перспективы для эффективной реконструкции не радужны.

Я наблюдал, что крупные политические субъекты не могли пережить выход из своих рядов даже небольших регионов. Советский Союз не смог пережить выход Прибалтики из его состава. Югославия не смогла пережить отделение Словении. Соединенные Штаты в 1860 году не пережили уход Южной Каролины, потребовались война и много времени, чтобы восстановить Содружество.

Европа наиболее остро нуждается в этике трансевропейской солидарности и взаимопомощи. Ей недостает средств поддержки доходов самых уязвимых домохозяйств, где бы они ни находились. Эти средства можно было бы использовать, минуя местные или национальные правительства, которые могут оказаться неэффективными, коррумпированными или просто банкротами. Европе требуется единая программа для инвестиций, облегчения бремени задолженности и финансовой реформы — все меры, которые позволили бы сократить трансевропейский уровень неравенства. В этом отношении европейская проблема вызывает также много вопросов, которые уже были рассмотрены выше.